

суверенитет, солидарность: сборник научных трудов Первого Белгородского юридического форума. В 2 т. Белгород, 2024. С. 378–381.

А.А. Черкашина, Самарский университет

ЗНАЧЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РУССКОГО РЭПА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье исследуется значение альтернативного русского рэпа для студенческой молодежи 18–35 лет. Анализируется восприятие жанра слушателями: выделяемые смыслы, образы и роль музыки в социальной жизни. Рассматривается влияние рэпа на чувство принадлежности и повседневные практики. Эмпирическую базу составили данные свободных интервью со слушателями альтернативного рэпа.

Ключевые слова: молодежь, музыкальные практики, альтернативный русский рэп, смыслы, культурные сцены.

A.A. Cherkashina, Samara University

THE IMPORTANCE OF ALTERNATIVE RUSSIAN RAP FOR MODERN STUDENTS

The article examines the importance of alternative Russian rap for students aged 18–35. The audience's perception of the genre is analyzed: the highlighted meanings, images and the role of music in social life. The influence of rap on the sense of belonging and everyday practices is considered. The empirical basis was made up of data from free interviews with alternative rap listeners.

Keywords: youth, musical practices, alternative Russian rap, meanings, cultural scenes.

Введение. Современная молодежь является одной из ключевых социальных групп, в рамках которой активно формируются новые культурные практики, идентичности и формы солидарности. Музыка при этом выступает не только средством досуга, но и важным ресурсом осмысления социальной реальности, выражения личного опыта и выстраивания символических границ «своих» и «чужих». В этом контексте рэп как музыкальный жанр занимает особое место в молодежной культуре.

Актуальность выбранной темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, в современных исследованиях молодежи рэп все чаще рассматривается как значимый элемент формирования идентичности и молодежных солидарностей. Несмотря на сравнительно недолгую историю, хип-хоп музыка является одним из наиболее популярных жанров современности и устойчиво сохраняет свою значимость для молодых слушателей.

Во-вторых, рэп-культура в России характеризуется высоким уровнем жанровой диверсификации. С момента становления уличного рэпа в начале 2000-х годов хип-хоп сцена претерпела существенные изменения, включив в себя множество поджанров: трэп, гангста-рэп, поп-рэп, рэп-рок, лоу-фай хип-хоп, хардкор-хип-хоп и другие. Одним из наиболее интересных

и при этом наименее изученных направлений является альтернативный русский рэп, который отличается экспериментальностью формы, сложной поэтикой и нестандартными нарративами.

В-третьих, альтернативный хип-хоп обладает специфической смысловой и нарративной структурой. В отличие от мейнстримного рэпа и поп-музыки, ориентированных на массовое потребление, альтернативный рэп часто апеллирует к рефлексии, экзистенциальным переживаниям, социальной критике и метафорическому языку. Несмотря на потенциально более высокую сложность восприятия, данный поджанр сформировал устойчивую аудиторию и продолжает активно развиваться.

В-четвертых, в научном поле наблюдается дефицит социологических исследований, направленных на качественный анализ альтернативного русского рэпа как социокультурного феномена. Большинство работ сосредоточены либо на лингвистическом анализе текстов, либо на изучении популярных исполнителей, что не позволяет в полной мере понять значения, которые молодежь вкладывает в альтернативные музыкальные практики. Таким образом, исследование значения альтернативного русского рэпа для современной молодежи представляется актуальным и востребованным.

Теоретическую основу исследования составляют положения понимающей социологии, феноменологического и интерпретативного подходов к анализу культуры и повседневных практик. В частности, методологически значимым является подход М. Вебера, акцентирующий внимание на субъективных смыслах, которые социальные акторы вкладывают в свои действия [1]. В контексте данного исследования это позволяет сосредоточиться на том, как сами слушатели интерпретируют альтернативный русский рэп и какое значение придают ему в своей жизни.

Дополняя веберовскую перспективу, идеи Г. Зиммеля позволяют рассматривать альтернативный рэп не только через содержание текстов, но и через формы социального взаимодействия, возникающие вокруг жанра: коммуникацию между слушателями, формирование сообществ, символических границ и паттернов принадлежности [2].

Важным теоретическим ориентиром является концепция культурного капитала П. Бурдье, согласно которой музыкальные вкусы и предпочтения могут выступать механизмами социального разграничения и самоидентификации [3]. Альтернативный рэп в этом контексте может рассматриваться как форма символического ресурса, позволяющего молодежи дистанцироваться от мейнстримной культуры и конструировать особую культурную позицию.

Значимое место в анализе занимает также концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, в рамках которой музыка понимается как элемент культуры, воспроизводимый и наделяемый смыслами в процессе коммуникации [4]. Феноменологический подход А. Шюца позволяет дополнительно акцентировать внимание на повседневном переживании музыки и интерпретации ее смыслов слушателями [5].

В российском контексте методологическую основу исследования дополняют работы, посвященные молодежным культурам, культурным сценам и музыкальным практикам (Е. Л. Омельченко и др.) [6], а также исследования рэпа как формы саморефлексии поколения и средства осмысления социальной реальности.

Объект исследования – молодежь в возрасте от 18 до 35 лет, активно слушающая альтернативный русский рэп. Данная возрастная группа выбрана как группа молодого взрослого возраста, в которой активно формируются профессиональные и социальные идентичности и

сохраняется высокая вовлеченность в музыкальные практики. В рамках исследования объект разделен на две возрастные подгруппы: 18–25 лет и 26–35 лет.

Предмет исследования – значение альтернативного русского рэпа для современной молодежи.

Цель исследования – выявить значение альтернативного русского рэпа для современной молодежи.

Для реализации поставленной цели были сформулированы следующие исследовательские вопросы:

1. Каким образом информанты определяют альтернативный русский рэп?
2. Каковы основные мотивы прослушивания альтернативного рэпа у молодежи?
3. Как прослушивание альтернативного рэпа сказывается на переживании принадлежности к определенной группе или сообществу?
4. Какие темы, образы и смыслы в текстах альтернативного русского рэпа являются наиболее значимыми для слушателей?

Метод и выборка. Исследование выполнено в рамках качественной методологической стратегии. В качестве основного метода сбора данных использовано свободное интервью, позволяющее выявить субъективные смыслы и интерпретации, которые молодые люди вкладывают в музыкальные практики прослушивания альтернативного русского рэпа.

Выборка носит целевой характер и была реализована методом «снежного кома». Целевую группу составила молодежь в возрасте от 18 до 35 лет. Планируемый объем выборки – 30 интервью (15 с женщинами и 15 с мужчинами). Отбор информантов осуществлялся из числа слушателей альтернативного русского рэпа, готовых к подробному обсуждению своего музыкального опыта.

Для уточнения границ жанра и минимизации избыточной размытости понятия «альтернативный рэп» был сформирован список исполнителей, относимых к данному направлению. Отбор исполнителей осуществлялся на основе экспертных оценок музыкального журналиста Н. Редькина, а также анализа специализированных ресурсов, посвященных русскому рэпу. К участию в исследовании допускались информанты, знакомые как минимум с половиной исполнителей из данного списка.

Результаты пилотного исследования. Для нашего пилотного исследования мы взяли интервью у трех информантов – студентов в возрасте от 18 до 25 лет, которые слушают альтернативный русский рэп.

Первый исследовательский вопрос касался того, каким образом информанты определяют альтернативный русский рэп и чем он отличается от «обычного» или коммерческого.

В представлениях опрошенных альтернативный рэп противопоставляется мейнстримному, «радиоформатному» жанру. Коммерческий рэп описывается как «то, что крутят по радио, продвигают в массы» (м., 22), ориентированное на широкую аудиторию и тиражируемые темы успеха, денег и потребления.

Альтернативный рэп, напротив, характеризуется как «творчество не для всех», «музыка подполья». Один из информантов отмечает: «Это метафорически постироническое творчество, оно не всегда закручено вокруг какого-то сюжета, порой это просто набор слов, который, чтобы понять, нужно быть приверженцем какой-либо субкультуры» (м., 19).

Подчеркивается его нетипичность, жанровая гибридность и экспериментальность: «Это грань музыки, когда хип-хоп смешивается с техно или чем-то еще» (ж., 19).

Смысловое отличие альтернативного рэпа также связывается с иной повесткой. По словам одного из информантов, в нем отсутствует привычная для мейнстрима ориентация: «нет повестки касающейся денег, телок, шмоток, бабок, она там есть, но преподносится в другом ключе» (м., 22). Таким образом, альтернативность понимается не только как эстетическая, но и как мировоззренческая позиция.

Отвечая на вопрос о мотивах обращения к альтернативному рэпу и в целом привлекательности жанра, информанты указывают как на биографические обстоятельства знакомства с жанром, так и на внутреннюю потребность в смысловом переживании текстов.

Первичное знакомство часто происходило через окружение. Один из информантов вспоминает: «Впервые я услышал в десять лет, сосед включил мне пару треков. Сначала просто слушал, а позже, когда повзрослел, начал вникать» (м., 22).

С течением времени восприятие жанра усложняется: от фонового прослушивания к рефлексивному анализу. Музыка описывается как ресурс интерпретации собственного опыта: «Иногда может зацепить одна фраза из всей песни, и ты сидишь ее разбираешь, думаешь» (ж., 19), «Я находил отголоски текстов в себе» (м., 19).

Особо подчеркивается метафоричность и многослойность смыслов. Один из информантов сравнивает альтернативный рэп с вином: «Эта музыка как хорошее вино – с годами только хорошеет. С изменением своей парадигмы мира ты можешь посмотреть на нее под другим углом» (м., 19).

Привлекательность жанра связана с возможностью нахождения параллелей со своей жизнью, проживанием внутренних состояний и рефлексией.

Третий исследовательский вопрос касался переживания принадлежности к определенному сообществу. Информанты склонны рассматривать слушателей альтернативного рэпа как специфический круг людей, объединенных не столько формальными характеристиками, сколько мировоззрением: «Это люди с определенным мировоззрением, противопоставляющие себя общепринятым правилам» (м., 22).

При этом принадлежность к жанру не всегда носит институционализированный характер. Музыка выступает одной из нитей, связывающих людей, способом обнаружить ментальную близость: «Мне важна ментальная близость, музыка помогает сблизиться с кем-то новым» (ж., 19).

Музыкальный вкус становится маркером символических границ: «По музыкальному вкусу можно многое сказать о человеке... Я могу найти больше тем для разговора с теми, кто слушает такую же музыку» (м., 22).

Мы можем заметить, что альтернативный рэп выполняет функцию культурного фильтра, через который выстраиваются социальные связи и различия.

Анализ интервью показывает, что в качестве ключевых тематических линий информанты выделяют маргинальность, отчужденность, городскую повседневность, бедность и борьбу за выживание.

Один из информантов формулирует это как «drug city life – городская жизнь на грани» (м., 19). Другой подчеркивает: «Broke day, бедность, борьба за выживание, противопоставление себя среднему классу» (м., 22).

Вместе с тем данные темы интерпретируются не буквально, а как метафорические конструкции, отражающие внутренние состояния: «Отражение моей маргинальности в треках помогает мне справиться с внутренними переживаниями» (ж., 19).

Особое значение придается иронии и метаиронии как ключевому смыслообразующему механизму жанра. По мнению одного из информантов: «Складывается пирамида значений – от примитивных до более глубоких, но все окутано метафорами, иронией и метаиронией» (м., 19). Даже в речах одного из информантов прослеживается некая метафоричность в изложении мыслей, его язык также завуалирован, как тексты альтернативного рэпа, информант использует вставки из треков как цитаты, подходящие контексту диалога.

Альтернативный рэп описывается как «новая литература», в которой артисты «проецируют себя через эту музыку, доносят свое виденье мира, свои фантазии, кто-то даже свою реальность» (ж., 19). Тексты воспринимаются не только как музыкальный продукт, но и как форма интеллектуального и эстетического высказывания.

Выводы. Таким образом, информанты рассматривают альтернативный русский рэп как особое направление, отличающееся от мейнстримного жанра не только эстетикой, но и ценностной установкой. Он осмысливается как «не для всех», характеризуется метафоричностью, ироничностью и усложненной смысловой структурой.

Основная привлекательность жанра связана с возможностью личной интерпретации текстов и нахождения в них отражения собственного опыта. Альтернативный рэп выступает для информантов ресурсом рефлексии и способом осмысления внутренних переживаний.

Прослушивание данной музыки также связано с переживанием ментальной близости и формированием символических границ. Музыкальный вкус становится основанием для установления социальных связей и частичного пересмотра круга общения.

Разнообразие мнений относительно значимости тех или иных тем и практик свидетельствует о том, что значение альтернативного русского рэпа формируется в комплексе индивидуальных биографических, мировоззренческих и социальных условий. Он выступает значимым элементом культурных практик современной молодежи, требующим дальнейшего анализа.

Список литературы:

1. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т.; пер. с нем. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. I. Социология. 445 с.
2. Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Г. Зиммель; Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с. (Серия «Книга света»).
3. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения; пер. с фр. О.И. Кирчик // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В.В. Радаев; Пер. М.С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 680 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

5. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц; Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн., ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

6. Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности: коллект. монографии / сост. и науч. ред. Е.Л. Омельченко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 502 с.